

Нестерова Е.И.

кандидат исторических наук,
Российский государственный
гуманитарный университет
(филиал),
Железнодорожный

Нефляшева Н.А.

кандидат исторических наук,
Центр цивилизационных и
региональных
исследований Института Африки
РАН,
Москва

Пячугина–Мобек В.В.

кандидат исторических наук,
Институт славяноведения РАН,
Москва

ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

При осмыслении диаспоральной проблематики в целом необходимо обращение к ее различным региональным и ситуативным аспектам. Локальные срезы, сделанные на конкретно-историческом материале, приводят зачастую к интересным и неожиданным выводам.

Польская диаспора в Российской империи несомненно представляла собой исключительное явление. Возникшая в результате изменения границ, она формировалась, по большей части, за счет принудительных действий российских властей. Эта специфика определяющим образом влияла на поведение представителей диаспоры на принимающей территории. Однако состав польских сообществ во внутренних губерниях Российской империи не исчерпывался лицами, оказавшимися здесь вследствие карательных мер.

В качестве рабочего инструментария примем постулат о том, что выстраиваемая идентичность имеет множественную природу, являющуюся итогом диалога и властных отношений как между группами, так и между группой и государством. Исходя из этого, попытаемся на материале из истории польской диаспоры в Поволжье, на Северном Кавказе и на юге Дальнего Востока выявить обстоятельства и институты, способствовавшие поддержанию, воспроизводству или трансформации этнической компоненты индивидуальной идентичности.

Необходимо отметить взаимосвязь между национальной политикой царского правительства и процессом складывания польской диаспоры в различных ре-

гионах Российской империи. Среди факторов имперской политики в отношении Польши, влиявших на формирование диаспоры, необходимо выделить следующие.

Репрессии против участников национально-освободительного движения, «удаление» политически неблагонадежных и инакомыслящих из Царства Польского и Западных губерний.

Насаждение русской бюрократии в государственных учреждениях Польши, одновременно сопровождавшееся предоставлением больших возможностей для продвижения поляков по службе в других регионах империи.

Ограничение доступа к получению образования для поляков на родине через сокращение количества образовательных учреждений и ликвидацию крупных центров науки на польской территории.

Сокращение польского землевладения в Царстве и Западном крае через конфискацию земель участников освободительного движения и раздачу ее русским чиновникам и ограничение права приобретения земель в данном регионе помещиками-поляками.

Поволжье.

Включение польского этноэлемента в состав населения Поволжья происходило следующими путями.

Основную часть поляков, попадавших сюда, составили репрессированные участники польского освободительного движения, то есть ссыльные, некоторые из которых после окончания сроков ссылки по тем или иным причинам здесь и оседали. Другую часть составили чиновники-поляки, привлечавшиеся государством на службу в российскую глубинку, а также военные, несшие службу в воинских частях на территории Поволжья и Приуралья. Еще один пласт, важный в интеллектуальном и культурном отношении, был представлен польской студенческой и научной интеллигенцией, связанной с Казанским университетом.

Первые эпизодические появления польских ссыльных в Поволжье фиксируются уже в середине XVII и XVIII вв., однако, значительная масса ссыльных появляется здесь в конце XVIII в. Это были участники Барской конфедерации и восстания под руководством Т. Костюшко. В XIX в. ряды ссыльных пополняли прежде всего участники национальных восстаний 1831 и 1863 гг., а так же члены многочисленных польских конспиративных организаций, позднее – участники народнического движения, польских социалистических организаций и партий. Изучение положения польских ссыльных позволяет сделать выводы о том, что, инспирируя появления значительных польских сообществ в данном регионе, царское правительство вместе с тем пыталось оградить местное население от их культурного влияния. В Российской империи в XIX в. польская нация была одним из самых дестабилизирующих и резистентных элементов и однозначно связывалась правящими кругами с распространением инакомыслия и политической пропаганды. Чтобы не допустить распространения исходившего от поляков «духа недовольства» и оппозиционности среди местных народов, государство создало целую систему ограничений и запретов, пронизывающих все сферы

жизни ссыльных поляков (как основного компонента польского населения во многих регионах). Запреты, создаваемые в этих целях, должны были поставить ссыльных в ситуацию полного бездействия и «бездеятельности», сократить возможности межэтнического взаимодействия. Однако, через педагогическую деятельность, распространение медицинских знаний и оказание медицинской помощи местному населению, изучение географии и природы, поляки пытались созидательно реализовать себя и участвовать в общественной и культурной жизни края.

Процесс активного привлечения польских чинов во внутренних областях страны привел к тому, что доля поляков, состоявших на государственной службе в Поволжско–Приуральском регионе, особенно в конце XIX в., была очень велика. Так в Пермской губернии в конце XIX в. около 40–50 % чиновников были поляками¹. При условии демонстрации политической лояльности имперская власть предоставляла возможность представителям польского сообщества, особенно интеллигентной элиты, повышения своего социального статуса и успешной адаптации в мультикультурной среде. Принятие такой стратегии поведения позволяло полякам на региональном уровне занимать достаточно высокие посты. Такие, как должность ректора Казанского университета (Ю. Ковалевский) или командующего Симбирским военным округом (Ф. Щершеневич). При этом далеко не всегда происходила смена или отказ от этнической идентичности, хотя в условиях браков с православными такой сценарий был более вероятен.

Появление большого числа польских студентов явилось, прежде всего, следствием одного из направлений национальной политики ограничения доступа к высшему образованию для поляков у себя на родине. Весьма заметное место занимали поляки и среди профессорско–преподавательского состава Казанского университета. Таким образом, польская диаспора в Поволжье к концу века стала достаточно крупной в этом исключительно многонациональном регионе. В губернских городах Поволжья поляки по численности населения находились на пятом месте (после русских, татар, немцев и евреев) и составляли 1% от всего городского населения².

Конфессиональный фактор, как известно, играл особую роль в польском вопросе в целом, и в освободительном движении, в частности. Католическое духовенство являлось не только одним из главных хранителей идей национальной независимости Польши, но и по определению несло в себе явный антигосударственный заряд. Рассмотрение деятельности католического духовенства еще раз подтверждает вышеизложенные тезисы. Католический приход, существовавший в Казани в XIX в., играл важную роль в жизни местной польской диаспоры. Он был создан в 1833 г. по указу Николая I при Четвертом округе внутренней стражи, центром которого была Казань³. Постепенно, с увеличением численности польского населения Поволжья и Приуралья, власти стали разрешать создавать католические приходы и в других городах региона (Перми, Симбирске, Вятке). В данном случае необходимо рассматривать также положение ссыльных ксендзов, находившихся на территории края. Ксендзы, высланные за

политические преступления, не имели права совершать церковные обряды. Несмотря на это, сосланные священники в исключительных случаях добивались этого права, либо тайно совершали богослужения и обряды как для местных католиков, так и для политических ссыльных. К концу XIX в. при Казанском костеле стали возникать благотворительные и образовательные общества, консолидировавшие усилия по оказанию взаимопомощи, существовавшие в польской среде. Таким образом, католическая церковь даже на территории России оставалась своеобразным общепольским центром, в том числе и центром освободительного движения поляков. Для поляков, проживавших здесь, казанский католический приход являлся не только сосредоточием национальной и конфессиональной культуры, но и средством их сохранения.

Северный Кавказ

На Северном Кавказе поляки появились при особых исторических обстоятельствах. Польские войска, оставшиеся после подавления восстания 1831 г, были направлены для участия в Кавказской войне в Отдельный Кавказский корпус и распределены по его полкам. На Кавказ было сослано до 10 тыс. человек. Из них интерес для анализа представляет группа, перешедшая на сторону кавказских горцев, в частности черкесов (адыгов). Горская среда, во многом опосредованная условиями военного противостояния, оказалась для поляков специфической: война трансформировала основные ценности, идеалы и мотивации адыгов. В их многоуровневой этической системе в этот период актуализируется прежде всего идея свободы. Переход поляков на сторону горцев воспринимался внутри кавказской традиции как манифестация независимости, чести, мужества, т.е. базовых компонентов горской «мужской» идентичности. Практически безболезненная адаптация польских офицеров обеспечивалась высоким престижем мужчины-воина в кавказском социуме, который распространялся и на поляков.

Система адыгского (черкесского) этикета и институт гостеприимства также являлись факторами, создающими благоприятный фон для построения взаимной коммуникации. Неслучайно имам Шамиль обещал «смотреть на поляков, как на своих детей». Традиционные для адыгов рамки воинского корпоративного сословия оказывались для поляков подвижными и открытыми. Воздействие этих обстоятельств способствовало изменениям польской идентичности в условиях Кавказа 1830–1850-х гг. Совместная с горцами военная деятельность вовлекала поляков в рефлексию по поводу Кавказской войны и отношений с Российской империей. В польской самоидентификации, скорректированной адыгской концепцией общества и личности, активно воспроизводилась антироссийская, антиимперская составляющая.

Трансформацию претерпела и конфессиональная составляющая польской идентичности. Адыги (черкесы), обладающие даже при стремительном усвоении ислама в ходе Кавказской войны лояльным религиозным сознанием, не препятствовали строительству костелов. Известно, что у адыгов поляками были построены 2 домовые церкви, в которых служило 60 ксендзов. В то же время влияние Корана, исламской догматики и обрядности, способствовали смене у части

поляков католической идентичности на мусульманскую.

Далеко не все поляки выступили в защиту кавказских народов. Значительная их часть сражалась на стороне империи. Власти пытались поддержать лояльность польских военнослужащих: католический костел в Ставрополе был возведен еще в 1845 году, а успешные действия поляков против горцев находили отражения в рапортах о боевых действиях, направляемых в Петербург.

Юг Дальнего Востока

Согласно переписи 1897 г. в южной части Приморской области проживало 2610 поляков. До конца XIX в. большинство их попадало в край в качестве военнослужащих (1890 чел. из охваченных переписью), остальные работали на железной дороге, в строительстве, занимались частной практикой и другими видами деятельности. Относительно невелика была категория поляков, лишенных свободы и отбывавших наказание (34 человека)⁴. Хочет отметить, что многие из этих людей (М.И. Янковский, Б.О. Пилсудский, П.Э. Пострых, Ф.Л. Вильчинский), будучи энергичными и образованными, внесли заметный вклад в развитие далекой окраины Российской империи.

При анализе социального состава обращает на себя внимание тот факт, что значительная по численности категория польского населения (военнослужащие) не связывала проект своей будущей жизни с Приморьем. Тем не менее, к концу XIX столетия в Приморье успешно функционировал ряд институтов, призванных обеспечить воспроизводство, сохранение и трансляцию польской культурной традиции. Важнейшим из них можно считать первый и единственный на Дальнем Востоке католический приход, возникший в 1860–е гг. в Николаевске–на–Амуре, а позже перемещенный во Владивосток. Его ксендз обслуживал всю паству огромного региона. Не менее важным фактором являлось существование во Владивостоке польской школы с преподаванием на родном языке.

После победы Февральской революции наблюдается всплеск активности национальных меньшинств, в том числе и поляков. В апреле 1917 г. польская община во Владивостоке образовала общество «Дом польский», целью которого было объединение поляков «в отношениях: культурных, общественных и политических». В 1917–1920 гг. общество насчитывало 1,5 тыс. членов. Кроме «Дома Польского» в этот период возникли и функционировали и другие польские организации: польский военный комитет, польский комитет помощи жертвам войны, «Польский комитет защиты национальных интересов», «Польское товарищество Красного Креста». Утверждение советской власти в Приморье в 1922 г. привело к закрытию большинства организаций, в основе которых лежал принцип этнической принадлежности. Среди немногих этнических групп, попытавшихся продолжить свою деятельность в советский период, была польская. В мае 1923 г. «Дом польский» был воссоздан. Как и прежде, это общество содержало школу и приют для польских детей, библиотеку, оказывало помощь нуждающимся и репатриантам, устраивало вечера отдыха. Однако постепенно, по ряду причин (проведение репатриации, сокращение количества активных членов, сокращение объема пожертвований), деятельность общества затухла. Во второй полови-

не 20-х годов оно уже не являлось массовой организацией и почти не играло никакой роли в жизни польской общины. Окончательно «Дом польский» закрылся в 1928 г., когда 9 его членов были арестованы по обвинению в шпионаже⁵.

Таким образом, гетерогенность польской диаспоры в России накладывалась на специфику, связанную с районами проживания мигрантов. Род деятельности, условия жизни и характер взаимоотношений с властями не в последнюю очередь зависели от особенностей региона пребывания и, в том числе, от личности местного представителя административной власти. Различия в социально-политической и экономической ситуации на окраинах империи побуждали к вариативности поведения и, в некоторых случаях, давали возможность для выбора альтернативных моделей деятельности. Определение себя по национальному принципу («я – поляк») и по принципу государственной принадлежности (подданный Российской империи) в зависимости от внешних, политических условий могли формировать разную конфигурацию идентичности, провоцируя на борьбу с империей или обеспечивая ее лояльное восприятие. На индивидуальном уровне эти сложные и многомерные явления могли вступать между собой в диалог или создавать конфликтную ситуацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Харитонова Е. Д. Польская диаспора в Перми конца XIX – начала XX веков // Польская ссылка в России. Казань, 1997. С. 92.
- ² Смыков Ю. И., Гончаренко Л. Н. Национальный состав населения Поволжья в конце XIX в. // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990. С. 104.
- ³ НА РТ. Ф. 1. Оп.2.Д.116. Л.51.
- ⁴ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 24.
- ⁵ Там же. С. 83.